

ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИЯ

Возглавляет А.В. Россошанский государственную телерадиокомпанию, но возглавляет с такой непринуждённостью, как свою личную... В общем, как известно, «государство – это я». Так вот и происходит конвертизация государственных ресурсов в частные интересы.

«Саратовская панорама» 8.08.07.

В моей «Тетради отзывов», которую я завела в областной библиотеке с 1995 года, встречаются такие записи:

«Очень устал от бездуховного телевидения, дурацкой рекламы, какого-то оскотинивания вокруг. Но безмерно счастлив, что есть возможность посещать лекции Кравченко. Большое спасибо. Это очень нужное важное дело.

Семёнов А.М».

«Считаем, что поэту нужно шире предоставлять телерадиоаудиторию для расширения круга слушателей.

Симонова, Скотникова».

«Можно ли надеяться, что этот или подобный цикл будет издан или дополнительно показан по ТВ?

(Подпись)».

Я отвечала людям, что все эти вопросы, апелляции – не ко мне, что их следует отправлять по соответствующим адресам, откуда их уже – продолжала мысленно – направят по хорошо всем известному адресу.

Моё противостояние с этими структурами длится уже давно. Когда это всё началось? Пожалуй, с 1993 года, когда Кашкин посоветовал по селектору Ёлшиной, чтобы та «осветила» мою победу на областном конкурсе поэзии, дала репортаж о презентации моего первого сборника в библиотеке. Почему-то это распоряжение её взбесило. Они умудрились в той передаче не назвать ни моей фамилии (люди потом звонили, спрашивали: а чьи это стихи читали артисты?), ни библиотеки на Зарубина, где это происходило (там страшно обиделись – ведь готовились, сценарий писали), не задать ни одного вопроса по существу, всё сведя к женской теме 8 марта.

В 1995-м году мою передачу о Софии Парнок – уже записанную – вообще хотели запретить («наш народ ещё до этого не созрел», – заявила Ёлшина), даже возродили худсовет ради такого дела, и хотя мне удалось её тогда отстоять, но время выхода поставили на полпервого ночи, чего в истории саратовского телевидения ещё не случалось, и её мало кто увидел. А когда люди звонили на другой день и просили повторить передачу в более удобное время, Ёлшина злорадно сообщала, что её «уже стёрли». Вот так они стремились все эти годы стереть каждый мой след в культурной жизни Саратова, уничтожить малейшую

память о нём. У Феликса Кривина есть такая сказка: мелок всё пытался что-то объяснить тряпке, написать, а тряпка всё его стирала, стирала...

Когда в Доме учёных в 1996-м проходила презентация моего «Сокровенного» с участием студентов театрального факультета, певцов, бардов, и концертный зал с трудом вместил всех пришедших на этот вечер, Ёлшина с Зориной отказались прислать съёмочную группу в ответ на приглашение администрации: «Мы выезжаем только по экстраординарным поводам». Хотя таких презентаций ещё не было в Саратове, о ней писали во многих газетах.

Особенно «обострилась» ненависть власть предержащих ГТРК после моего «открытого письма» С.Утцу, опубликованного в книге «По горячим следам» (2003) под названием «Как я не стала телеведущей». Вместо того, чтобы на планёрке обсудить его, попытаться понять, почему же «проект осуществить не представляется возможным», как это изящно сформулировал мне Нагибин, или, вернее, по чьей вине он был сорван, они предпочли в отместку выдать мне волчий билет на всю оставшуюся жизнь. Остракизму подвергалось всё: мои новые циклы лекций, победы на Международном конкурсе, даже творческие успехи других людей, если они каким-то образом были связаны со мной.

После вечеров в библиотеке ко мне подходили люди, потрясённые услышанным: «Боже мой, и это у нас, в провинции! Да Вам надо в Москву!» Приходили на костылях, со слуховыми аппаратами, с маленькими детьми, приезжали из Энгельса, Балаково, Ершова, Калининска, Волгограда. Снимали на пленку, на видео, конспектировали. Одна женщина была из другого города, у неё был билет на вечерний поезд, и она в оставшиеся два часа зашла «на огонёк», а потом восторженно говорила библиотекарям: «Какие же вы счастливые, что можете это слышать постоянно! Я расскажу всем в Перми о ваших прекрасных вечерах!»

Знали бы эти люди, что в Саратове эти вечера упорно – до неприличия – замалчиваются, игнорируются, преследуются, очерняются... Вот уже 20 лет. Юбилей отмечать можно.

У меня более ста тем лекций, которые я разрабатывала более 20 лет. Золотой век, серебряный, средневековые, современность, зарубежье, забытые имена, новые имена, саратовские поэты... Уникальные компьютерные слайды, эксклюзивные факты, редкие музыкальные записи, фонограммы мастеров искусств, выступления «вживую» артистов, бардов. Надо ли объяснять, какой это титанический труд.

Если я рассказала о каком-то поэте и кто-то на этот вечер не смог попасть, то повторить я его смогу лишь через 5-6 лет (за это время лекция уже обрастает новым материалом), раньше просто очередь не дойдёт. То есть одну лекцию я могу прочитать лишь раз в 5-6 лет, в то время как другие лекторы каждую лекцию читают по 5-6 раз в разных библиотеках, музеях, культурных центрах, с объявлениями в прессе, по радио, ТВ и с соответствующей оплатой в каждом месте. Мне этот путь заказан. В объявлениях даже на этот единственный вечер

– как бы уникален он ни был – мне отказано. Многие люди до сих пор не знают об этих вечерах, их лишают этой информационной возможности. Лишают методично, старательно, целеустремлённо. Это при том, что вход на мои вечера все эти 20 лет – свободный, и объявления на них, как на все мероприятия культуры, должны даваться бесплатно. Когда я об этом рассказываю – люди недоумевают, не верят. Ну как же так?! Не может быть! А вот так. Может. У нас всё может.

Дело не в обиде, не в желании славы, заслуженной известности. Но скольких людей они лишили возможности услышать прекрасное, узнать новое, у скольких отняли этот ни с чем не сравнимый праздник души!

Одна моя горячая поклонница, купив книги в магазине, разыскала мой телефон и долго взволнованно кричала в трубку о родстве душ, о счастье понимания, о радости открытий. Она не могла и не хотела примириться с негативным отношением ко мне и к моей деятельности властей. И первое, что сделала – отправилась в народную приёмную ГТРК, где с наивностью андерсеновского мальчика допытывалась, почему они чинят препятствия таким замечательным лекциям, не хотят оповещать людей об их проведении, не говоря уже о том, чтобы их пропагандировать и освещать?

Косович, подумав, выдал: «Характер у неё плохой. Маленькая, но настырная». Я удивилась, узнав такую «причину», так как этого Косовича никогда в глаза не видела, а разговаривала только по телефону, если можно назвать разговором диктовку объявлений. Да, приходилось проявлять настойчивость, звонить несколько раз, когда они не выполняли своих обещаний, а как иначе? Я привыкла доводить дело до конца.

Косович признался ей, что они «забыть не могут, как им Кашкин руки выкручивал», то есть заставлял когда-то передавать объявления о моих вечерах. Надо знать Кашкина – это щепетильнейший в таких вопросах человек. Он попросил у меня тогда официальную бумагу – письмо от директора библиотеки, и только после этого вызвал подчинённых, велел им «помочь в этом благородном деле». И вот этого они, оказывается, не могут мне «простить» с 1995 года (года смерти Кашкина). Не могут простить моего – такого долгого – существования в культурной жизни города, несмотря на все их старания.

«Если бы ко мне попало это объявление, – заявила Ли-патова, – я бы, конечно, его не дала». «Но почему?!» – надрывалась моя сподвижница. А по кочану. «Не даёт ответа», – как писал Гоголь. Охота на ведьм. Запрет на профессию. Как это может быть в наше время – не Лапиных, не Романовых? Ещё как может.

С этой Липатовой у меня позже всё-таки состоялся разговор. Было это так.

За два дня до лекции я позвонила Грачёву и попросила записать объявление. (Бравший у меня накануне интервью Голубь обещал, что они будут беспрепятственно их давать). Грачёву же лень было записывать, он всячески давал понять, что занят, что у него срочное дело, просил перезвонить, но в

назначенный час исчезал, прятался, и выручавшая его Сальникова объявляла мне, что он «вышел». Так продолжалось раз десять на дню. Это уже походило на издевательство. Наконец терпение моё лопнуло, и я с металлом в голосе настояла, чтобы он в конце концов записал объявление. Грачёв нехотя подчинился, хотя даже по телефону чувствовалось, как его от этого корёжит.

На другой день слушаю радио: идёт блок новостей, где-то в середине – моё. Потом этот блок должен повторяться три раза. Но во время повтора я вдруг обнаруживаю, что моё объявление исчезло. Другие мероприятия в нашей библиотеке перечисляются – гораздо менее значимые – собрание садоводов, например, а информация о вечере изъята. Ну ладно бы, если б добавились какие-то более срочные новости, так нет, минуты три после этого звучала музыка. За это время объявление могло бы прозвучать по меньшей мере трижды.

Я звоню Грачёву, чтобы потребовать объяснений – ведь и ему ясно, что это сделано намеренно! – но он, как всегда, прячется за спину Сальниковой. Та начинает мне вешать лапшу, что «объявления платные».

– Это неправда, – говорю я. Устала уже опровергать за 20 лет. – Объявления на культуру всегда бесплатны. И Вы это знаете.

– Да, но у нас приоритет коммерческих объявлений, мы должны давать в первую очередь их.

– У вас не было в этом выпуске никаких новых объявлений, всё повторялось один в один. И только моё объявление почему-то надо было вымарать. У вас потом музыка 3 минуты звучала! Ведь сколько людей могли услышать и прийти, а вы...

– Звоните Липатовой, – отрезала Сальникова. – Она Вам всё объяснит.

Звоню. Хотя ничего хорошего уже не ожидаю. Говорю, что хочу пригласить её на свой вечер, хотя понимаю, что бесполезно.

– Правильно понимаете. У нас много работы. Нам не до поэзии.

– Это я поняла давно. Но... (Пытаюсь объяснить важность этого вечера и объявления на него). Липатова взрывается:

– Сколько я здесь работаю – я только и слышу о Ваших вечерах, только и слышу Вашу фамилию!

Пытаюсь объяснить, что это не мои вечера, то есть вечера не моей поэзии, а тех поэтов-классиков, о которых я рассказываю. Но ей без разницы.

– Эти Ваши ан-о-он-сы-ы! – с какой-то гадливостью в голосе тянет она. Хотя это были всего лишь краткие объявления, а не анонсы, о трехминутных анонсах была моя робкая просьба, пожелание, с которым я обратилась к Голубю, и даже не просьба, а скорее мечта, тотчас встретившая у Липатовой глумливый отклик.

– Вы можете мне объяснить, почему не передать объявление на вечер, если есть лишнее время, если вместо этого долго играет музыка?

– Я Вам отвечу. – И – членораздельно, нагло:

– Не Ва-ше де-ло!

– Значит, вы отказываетесь их передавать? Значит, я должна читать лекции, по-вашему, для пустого зала?

– Присылайте по электронной почте. (Присылали сто раз, они её игнорируют).

– И тогда вы дадите?

– А это уж как получится. Хотим – дадим, хотим – нет.

Но «хотеть» они не хотели. Потом я узнала, что Грачёв накануне пожаловался Липатовой, что я якобы не давала ему работать. Это после того, как он десять раз заставлял его перезванивать! Она просто вынудила меня сказать ей всё, что стояло у горла. И я об этом не жалею. Как гора с плеч.

– Вы ведёте себя безобразно! – гремело в трубке. – Чё-ё-рная неблагодарность! Чё-ё-ёрная!

Я ещё их должна благодарить! На какую «благодарность» они намекают?

Однако после наложенного высочайшей лапой табу на мои вечера я с радостью увидела: залы по-прежнему полны! Вот уже полтора года – при абсолютной информационной блокаде, при полной изоляции – мои лекции собирают до 200-250 человек. На вечере Бродского в марте некуда было ставить стулья. На вечере Окуджавы не хватило номерков в гардеробе. Очередь выстраивалась от Горького до Московской. Зал ведь не обманешь. Он голосует «ногами». Это не эфир, в который можно безнаказанно говорить что угодно, не зная ответной реакции слушателей, а чуть что – отключая микрофон.

В «Общей газете РУ» (февраль 2007) Липатова хвалится своей передачей «Круговорот», которую они ведут с С.Утцем: «Именно передачи в прямом эфире пользуются особенной популярностью. Например, еженедельная программа «Круговорот»... В ней часто возникают серьёзные дискуссии между авторами-ведущими и нашими слушателями».

Слушала я одну из этих передач, в среду 31 января, где Утц и Липатова рассуждали о самоубийстве. Звонили в основном пенсионеры: ругали власть, высокие цены, жаловались на невозможную жизнь. Техника дискуссий была такова. Звонок. Не успел человек заикнуться, Утц его прерывает: «Как Вас зовут? Сколько Вам лет?» Хотя женщин спрашивать о возрасте, мягко говоря, неэтично. Но тут хитрость: на эфир каждому даётся одна минута, и если звонок неблагоприятный, где ругают власть, Ипатова, то эти вопросы тянут время, и после двух-трёх слов человек благополучно отключается от эфира, не успев назвать всех косвенных виновников самоубийств.

Схема: «Я хочу сказать... – Как Вас зовут?», – вкрадчиво, сбивая напор собеседника. Ответив, тот пытается продолжать, но его осаждают вопросом: «Сколько Вам лет?» Да что это, медицинская передача, что ли! (Впрочем, Утц – бывший врач, вспомнила я, – то ли уролог, то ли венеролог). Одна женщина решила перехитрить и с ходу выпалила скороговоркой: «Меня зовут Татьяна Ивановна, мне 56 лет. Я считаю, что власть делает жизнь невыносимой! Выступавший недавно Ипатов говорил неправду... Вы, наверное, сейчас отключите мой телефон, я слишком долго ждала...». Как в воду глядела –

телефон отключён.

И вдруг звонит какаято дама, которая возмущена предыдущими критиковавшими власть звонками: «Те, кто живут трудно – никогда не покончат с собой. Надо быть оптимистом. А эти, которые ненавидят... Почему вы всех ненавидите – весь мир, губернатора, правительство? Всё им нехорошо! Надо начинать с себя. Вы должны учить детей и внуков смирению...» Липатова и Утц чуть ей не рукоплещут.

– Золотые слова! Вот ими бы и закончить передачу...

И телефон ей не отключали минут пять, если не больше. Потрафила. По принципу У-2 («угадать – угодить»). Один пенсионер раздражённо говорит Утцу: «Вы даёте людям сказать два слова и отключаете, а сами говорите уже 27 минут!» Утц: «Извините! Мы за это получаем зарплату. Из расчёта количества слов нам платят деньги. – (Да? – подумала я. А качество слов не учитывается?) – И вообще, это наша передача, куда хотим, туда и повернём.

Они всё хотели «повернуть» к детям, к молодёжи, которые кончают с собой по глупости, от несчастной любви («почитайте их дневники!» – советовал Утц), однако, как назло, звонили одни пенсионеры, винившие отцов города во всём, в том числе и в самоубийствах. Но ведь ведущим не за это «зарплату платят», чтобы губернатора критиковать.

Тут Липатова решила блеснуть эрудицией и вспомнила Цветаеву (видимо, чтобы уйти от щекотливой злобы дня). Её фраза (дословно): «Как она **рвалась в Россию!** Как она любила жизнь! Народ! А вот не дали ей **место нянечки в детском саду** – и покончила с собой». О самоубийстве Цветаевой написаны тома. А Липатовой всё ясно. Оказывается, всё дело было в трудоустройстве. Надо же, как просто ларчик открывался.

Утц: «Я вот не считаю себя человеком с особо крепкими нервами. Но я не представляю себе, что могло бы случиться, чтобы решиться на такое». Не представляет? Что ж, можно позавидовать. Или, скорее, пожалеть...

Какая сложная, тонкая, больная тема. Как надо было бережно готовить такую передачу, подбирать каждый факт, продумывать каждое слово – ведь такая деликатная материя! А не ляпать, что попало, в эфир. Какие там дискуссии! Это напоминало неравный поединок: слушатели хотели сказать, что хотели, а ведущие, пользуясь своими полномочиями, строго следили, чтобы говорили только то, что нужно им. Поединок с уже заученным и оплаченным финалом.

Второй раз моё знакомство с творчеством радиокompании состоялось в Прощёное воскресенье 18 февраля. С 10 до 11 утра звучала радиопостановка по поэме Е.Грачёва «чего-то там в джунглях или телефонный роман».

Надо сказать, опусы Грачёва частенько звучат в местном эфире (своя рука владыка). Но я как услышу это наигранно-оживлённое: «Сегодня у нас в гостях...». В каких гостях? Логичнее было бы сказать: в хозяевах. Он из этих «гостей» не вылезит. Читает, кажется, даже что-то поёт. Не помню. Но то, что было в это самое Прощёное воскресенье – забыть невозможно. Только в

джунглях можно принять такое за поэзию. «Романа» как такового нет – лишь зарифмованные, напичканные молодежным сленгом тары-бары то скучающих подруг, то флиртующих с ними тинейджеров, имитирующие телефонные разговоры. Этим автор значительно облегчил себе задачу – что взять с телефонного трёпа! Какую философскую глубину, каких откровений можно от него ожидать? Поразительная бедность, даже скудость мысли, плоскость, просто какое-то плоскостопие мышления. Примитив в самом своём классическом воплощении. Хотела записать что-нибудь для примера, но вскоре бросила ручку – не записывать же всю «поэму».

«Стихи должны быть многослойными», – говорила Инна Лиснянская. Стихотворение – это пространство, из которого обязательно должен быть экзистенциальный выход, выход к новому, большому смыслу. Отталкиваясь от каких-то конкретных вещей и впечатлений, мы в конце концов переходим на другой, более высокий уровень. У Грачёва этого не происходит. Всё на одном пятакке. Да, сленг он изучил неплохо. Но этого мало, чтобы претендовать на некое художественное слово.

Причём вся эта галиматья была густо оснащена музыкальными и шумовыми эффектами: всамделишными телефонными звонками, какофонией звуков, имитирующей современную музыку века, каждые 6-8 строк жалкого опуса читали актёры, оперативно сменяя друг друга. «Это же сколько денег в эту «постановку» вбухано!» – ужаснулась было я, да спохватилась: что я, это ж все свои читают, они все из одной редакции, то бишь компании, какие счёты между своими.

Каждые 5-10 минут голос корреспондентки Нечаевой (оттуда же) торжественно, чуть ли не ликующе вещал: «Вы слушаете радиопостановку по поэме...» – не давая забыть об этом прискорбном факте ни на минуту. Так когда-то сообщалось о полёте в космос – с такой же дотошной регулярностью.

Сначала я слушала внимательно, но запаса терпения хватило лишь минут на двадцать. Вряд ли кто-то выдержал дольше. Думаю, даже в Прощеное воскресенье такое разбазаривание эфирного времени простить нельзя.

В воскресенье 20 марта с 10-ти до 10.20 утра в местном эфире звучали тёплые поздравления имениннице оператору Нелли Безбородовой. Каждый член редакции спешил отметить: «Дорогая Неличка, поздравляем! Желаем тебе (и – длинный перечень обычных в таких случаях банальностей). За эти 15-20 минут я узнала, что Нелли Безбородова – милая, улыбчивая, добрая, приветливая, что у неё взрослая дочь на мехмате, умница и красавица и т.д. Недоумение постепенно сменялось возмущением. Да что же это такое! Дождитесь обеденного перерыва и говорите обо всём этом своей подруге и сослуживице лично. Почему об этом должен знать весь город?

Дальше вклинился Грачёв (по методу Куракина), замаскировав под поздравление рекламу своих виршей. После дежурных комплиментов последовало: «А как помогла мне Неля, когда озвучивала мою поэму (что-то там – опять не запомнила – в джунглях), дальше – о том, как она ее достойно

музыкально оформила (запомнила фразу: «мы вместе с ней ткали это полотно» – ну прямо тебе «Война и мир»!) И не удержался, чтобы не процитировать тут же стихок собственного сочинения.

Всё это двадцатиминутное умильное воркование в эфире имеет своё точное обозначение: бесстыдное разбазаривание эфирного времени в личных целях. И это при том, что на какой-то жизненно важный вопрос или высказывание людям даётся всего минута, после чего их безжалостно «отключают» на полуслове. Ещё один постоянный обитатель местного эфира – Н.Куракин. В последнее время он повадился звонить во все программы Н.Макеевой – разумеется, анонимно («инкогнито», как он любит говорить; помню, собираясь на вечер Кековой, оповещал: «я пойду инкогнито!»), то с целью прославить своих дружков («Муллин – первый поэт губернии!»), – объявлял он ничтоже сумняшеся), то – сквитаться с врагом, то бишь со мной. Злоба настолько застит ему глаза, что он не разбирает, уместно ли в данном случае ниспровержение моего творчества или у передачи всё-таки другая тема?

Передача была о саратовском барде Кириллове, с которым я даже не была знакома. Но, видимо, Куракин спутал его с другим православным бардом С.Ивановым, написавшим когда-то песню на мои стихи «Утоли моя печали» (на них написали музыку и В.Мишле, и П.Старчик), которая имела шумный успех на презентации 1996 года, её несколько раз просили исполнить на бис. Куракин этого не забыл и напустился на ни в чём не повинного Кириллова в прямом эфире: что, дескать, Вы, такой правове́рный, можете иметь общего с таким исчадием, как Н.М., пишущая богохульные стихи (тут он процитировал четыре мои строчки «Что там, в этой мёртвой остуди...», за что я ему весьма благодарна – хоть посредством Куракина радиослушатели смогли их услышать).

Казалось бы, неуместно, не по адресу, не по существу, Кириллов не поймёт, о ком речь, ни сном ни духом, другая бы ведущая осадила злостного мстителя или хотя бы попросила назвать себя. Когда люди слышали бы фамилию Куракина – всем сразу стало бы ясно, чем этот звонок вызван, какими истинными причинами, о его невменяемой ненависти к моей особе знает уже весь город. Но он, обычно громогласно и с удовольствием представлявшийся, читая свои творения, здесь предпочёл остаться «инкогнито», изображая некий «глас народа».

Макеева, разумеется, узнала голос Куракина (он уже десятки раз выступал в её программах), но тоже почему-то не спешила его «выдавать». Она жадно ухватилась за этот звонок и стала подталкивать Кириллова к «правильному» ответу, то есть к осуждению меня. Платят, что ли, Куракину за эти звонки? – подумалось невольно. Наверное, никто не звонит, вот и договорились. Или наоборот, он им платит, чтоб свои личные счёты сводить?

Вспомнилось, как И.Прозорова в ответ на мои отчаянные попытки пробить очередное объявление на вечер классика, по-дружески посоветовала: «Хотите, чтобы они звучали – найдите спонсора».

– Я?! Должна платить?!

– Ну не я же...

И привела в пример недавний случай: «Пришёл как-то к нам один поэт. Не буду называть его фамилию, но – крайне неприятный, он всем нам здесь очень не понравился. И заявил: «Я – поэт, я хочу читать тут свои стихи!».

– Куракин, что ли?

– Откуда Вы знаете? – растерялась Прозорова.

– Да кто же ещё так себя беззастенчиво рекламирует?

– Так вот редактор и говорит: пусть платит. За выход своих книжек он платит ведь, ну и здесь плати.

– Да, но я не Куракин, и речь не о моих стихах, а о культурной программе для всего города, о циклах просветительских литературно-музыкальных вечеров.

Но им было всё едино. С Куракиным им видимо удалось потом договориться, судя по регулярности его вылазок в эфир.

С этой оплатой ко мне как-то подъехала Г.Шевченко, правда не прямо, а обиняками: не знаю ли я таких поэтов, которые согласились бы на часовую передачу за деньги, поскольку у них всё теперь переходит на коммерческую основу.

– И сколько? – любопытствовала я.

– Пять тысяч (то был 2001-2002 год).

Тогда за эту сумму можно было издать солидную книгу. Я усомнилась, что они таких дураков где-нибудь найдут. Но, видимо, нашли.

Так что знайте, уважаемые радиослушатели, если вы слышите в эфире слова о гениальности какого-то саратовского поэта (пусть даже сами стихи этому резко противоречат), то это значит, что поэтом за то хорошо заплачено. А если просто – о хорошем поэте, то заплачено несколько меньше... Может быть, я утрирую, но суть от этого не меняется.

А если всё же все эти Куракины-Мартыновы-Амусины-Грачёвы звучат по саратовскому радио совершенно бесплатно, единственно из любви к их искусству или же сумев понравиться чем-нибудь иным, то в таком случае как понять эти намёки на деньги, с которыми ко мне подъезжали – что, с меня одной их хотели брать, что ли? В виде исключения? Это причём всего лишь за объявления о литературных вечерах. Я представляю, какая была бы заломлена цена, если б я тоже пожелала почитать свои стихи в эфире, пусть даже победившие на Международном конкурсе «Пушкинская лира» в Нью-Йорке. «Мне-то Ваши стихи давно нравятся», – вздохнула тогда Прозорова, и в её недосказанной фразе ясно читалось всесильное «но», способное перечеркнуть любые слова и фразы.

Вот такая она, тёплая дружественная телерадиокомпания. Радушная и щедрая к своим и сурово-непримиримая к чужим и неплатёжеспособным. Люди обречены смотреть и слушать один и тот же круг «приближённых». Водораздел между нашими и ненашими настолько глубок, что преодолеет его редкая птица

– подстрелят на лету.

Мафия оккупировала всё, в том числе и культуру. Какой ужас у нас выдаётся за творчество бардов по радио – это же невозможно слушать! А прекрасные песни Светланы Лебедевой, которые уже расходятся в дисках по городу (абсолютный слух, божественные мелодии, чудный голос, какая-то внутренняя интеллигентность и благородство всего её облика, – зал взрывается аплодисментами, едва лишь она поднимается на сцену) Макеевой упорно – в течение многих лет! – игнорируются. Она демонстративно не записывала её песен на вечере в корниловской студии, хотя записывала всё остальное. Она отвергла кассету с песнями Лебедевой на мои стихи, которую ей передал по моей просьбе П.Шаров, выбрав из неё лишь крошечный кусочек из песни «Люди с хорошими лицами...». Причём прозвучала она в её передаче как бы о слушателях корниловской литстудии, что неправда, так как эти люди ничем не интересуются, кроме своих виршей, а я писала о людях, любящих большую Поэзию. Как можно было в упор не видеть самородка Лебедеву, предпочитая ей и навязывая слушателям жуткую какофонию Кирилловых и Ляляевых? А очень просто. По причине «связей порочащих», в которых та «замечена». Вот если бы она на стихи Куракина или Амусина писала – тогда другое дело.

Студент I курса саратовской консерватории В.Орлов победил во Всероссийском конкурсе молодых композиторов в Самаре в декабре 2006-го, заняв 2 место с вокальным циклом «Чужая душа» на мои стихи. В Самаре этот цикл звучал по радио, телевидению, у нас же – всё то же молчаливое неприятие всё по той же причине, в которой вслух они никогда не сознаются. И будут «отзывать» куда-то камеры, «заболевать» в день съёмок, ссылаться на недостаточную (или, наоборот, излишнюю) «экстраординарность» момента. Это трусливое, но усердное пакостничество (надо называть вещи своими именами!) бывает, надо сказать, весьма изобретательно.

Приведу только два случая. Первый связан с вечером мистики в корниловской литстудии, что был 22 апреля 2003 года. Я туда давно уже не ходила, но Корнилов настойчиво зазывал меня на это занятие, чтобы я прочла там свою поэму «По ту сторону света». Я спросила, что ещё там будет, какая программа. Оказывается, Корнилов хотел посвятить её рассказам и разным мистическим случаям, которые с людьми приключались в жизни. Я представила себе, на какой низкий бытовой уровень всё это будет спущено, и предложила «взять нотой выше»: рассказать о теме мистики в литературе. Корнилов с радостью согласился.

Макеева пришла в студию на занятие, привлечённая темой, не ожидая увидеть там меня. – А почему столько народу? – недоумённо спрашивала она, озираясь вокруг. Народу действительно было раз в пять больше, чем обычно у Корнилова (накануне было объявление по радио). Макеева и мысли не допускала, по-видимому, что все эти люди пришли послушать меня. Если бы она хоть раз за 20 лет явилась на любой мой литературный вечер, то увидела бы не 40-50, как тогда, а 250-300 человек. Но этого не случилось и, думаю, уже не

произойдёт. Зато она регулярно посещала тусовки Куракина, видимо, с удовольствием слушая его самоупоённые дифирамбы самому себе и выступления жалкой кучки графоманов. Но это – кол-лек-тив, и это более достойно внимания радиокompании.

Так уж получилось, что практически весь вечер я везла на себе: рассказывала о теме потустороннего мира в произведениях В.Соловьёва, Б.Поплавского, А.Белого, Р.Рильке, М.Цветаевой, И.Тургенева, Ю.Нагибина, В.Ходасевича, И.Бродского, Б.Рыжего. Макеева сидела рядом с выключенным микрофоном, – записывать меня?! Это не входило в планы её начальства. Люди слушали, затаив дыхание, она – со скучающим видом, проявляя нетерпение, когда же умолкнет ненавистная Кравченко и заговорит коллективная масса.

Когда я слушала потом эту передачу по радио, я оценила по достоинству мастерство монтажа наших старых кадров. Да, это надо было суметь. Аплодисменты, которые долго не стихали, восторженные высказывания по поводу моих рассказов и стихов – всё это было сведено на нет. Из поэмы прозвучало лишь две строфы (причём мой голос отчаянно «буратинил»). «Ну, вы уже, наверное, составили себе представление, – подытожила этот отрывок ведущая. – Но! (с нажимом) были и замечания!». И даёт полностью идиотский вопрос-претензию Зрячкина: «Зачем в поэме целых три эпиграфа?» Эти эпиграфы в своё время резко не понравились Байбузе, и это было его единственное замечание по поводу всей книги, – хочет, мол, свою образованность показать. Но эпиграфы пишутся не для этого, а чтобы прояснить главную мысль, суть произведения, их может быть сколько угодно.

И вот Зрячкин, повторяя слова своего гуру и учителя, задал мне тот же нелепый вопрос, который показался Макеевой достойней внимания слушателей, чем строки поэмы. Я как-то не слишком удачно на него ответила («самому умному философу трудно отвечать на глупые вопросы»), но этот ответ Макеева с готовностью дала с какими-то последующими возражениями Зрячкина («Вы же самодостаточны, зачем Вам эпиграфы?» и тому подобная чушь). Было создано впечатление, что я не поэму читала, не лекцию, а оправдывалась в ответ на взыскательную критику собратьев по перу. «Она Вас похерила», – сказал мне тогда П.Шаров, прослушав передачу. Что ж, в этом их творчество, их маленькие творческие радости. Успеха им в их нелёгком неблагодарном труде.

Ещё случай. 3 декабря 2006 года – юбилей Дома книги (70 лет). Меня приглашают выступить перед покупателями и – поскольку мои книги на I месте по рейтингу продаж на «Саратовском» стенде – дают не 15 минут, как всем, а 30-40. Мы пришли с Лебедевой, чуть опоздали.

– Там уж Вас Ваши поклонницы дожидаются, – говорили продавцы, ставя стулья самым стареньким. После нашего выступления раскупают мои книги, подходят за автографами.

– А в каком сборнике стихотворение о маме? Я своей дочке подарю.

– А в каком про чебуречную? Мне понравилось...

И вот показывает TV. Книг моих на стенде, которые занимают почти всю

верхнюю полку – нет. И вообще этого стенда вблизи не показывают, потому что трудно, наверное, чисто технически при этом «замазать» мои книги. Поёт Лебедева «Люди с хорошими лицами...» (дали буквально полкуплета). Я, которая рядом сижу, старательно вырезана, хотя выступали мы вместе, я читала, она пела. А перед этим Мартынову и Муллина показывают вдвоём за столом на сцене, как сиамских близнецов (читали, что ли в унисон, как сестры Цветаевы?).

Нашу композицию снимали, подходили с блокнотами, уточняли фамилии, но Там Наверху им объяснили, что к чему, и ничего Этого в эфир не просочилось, за исключением крошечного кусочка песни (без объявления имён авторов и исполнителей). Да и то лишь потому, что уж очень соблазнительно было закончить словами: «люди с хорошими лицами», якобы это те, кто приходит в книжный магазин. Они не учли, что песню эту знает уже пол-Саратова, что мы уже несколько лет заканчиваем ею каждый творческий вечер, что она расходуется в кассетах по городу (люди переписывают друг у друга), что её уже разучили и распевают в колонии строгого режима и поют на концертах самодеятельности, что она опубликована в нескольких моих сборниках, разошлась по полкам библиотек и книжных магазинов. И очень многие в Саратове знают, чьи это стихи и кому они в действительности посвящены. Вот этого руководители телерадиокомпании не учли, иначе они не дали бы и этого фрагментика песни, связанного для них с моим одиозным именем. Мне звонили тогда многие мои слушатели и спрашивали:

– Слышали, Ваша песня звучала?

И недоумевали, почему не показали при этом меня, сидевшую рядом. Но разве объяснишь это нормальным людям? Как они не устанут – столько лет! – отслеживать, вымарывать, вытравлять... Или это уже вошло в привычку, в условный рефлекс, в состав крови?

Но – кончается время радиокompании. Люди несут заявления с отказами от радиоточек – нечего там слушать, кроме погоды. По мнению Л.Барановой (уволенной под надуманным предлогом с поста заместителя председателя ГТРК), «компания неуклонно движется к разрушению» («Саратовская панорама» № 31, 2007).

Один мой постоянный слушатель лекций Валериан Морозов как-то оказался на радио, где у него брали интервью по какому-то поводу. «Ой, не говорите, не говорите мне о Кравченко!» – зажала уши и закатила к небу глаза радиодама, когда он попытался поделиться своими восторгами от моих лекций. А почему, спрашивается, «не говорите»? Это же не ваша частная лавочка, господа. К вам не в гости пришли чай пить. Вы же государственная компания, – так, по крайней мере, зовётся. Вы обязаны знать и сообщать о всех заметных явлениях в культурной жизни региона. Но за двадцать с лишним лет (первую свою публичную лекцию о Высоцком я прочла в 1986 году) ни у одного штатного газетчика или телерадиоработника не совпали интересы с поэзией ни разу – а ведь я проводила по 10-11 вечеров ежегодно! Ну ладно бы пришли –

послушали – не понравилось. А то ведь понятия не имеют, что это такое! Но тем не менее... «Пастернака не читал, но скажу».

Вспомнились кстати его строки:

Что же сделал я за пакость,
я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
над красой земли моей.

Ни в коей мере не отождествляю себя с опальным гением, но вот в гонителях сходство просматривается вполне. Природа их во все времена одинакова.

Саратовская телерадиокомпания уже давно действует по принципу вахтёров: «этого – не пущать!» Держиморды. Не пущать – в эфир, в культуру, в поэзию, в умы и сердца людей. Да я уже давно там! Это вам туда путь заказан.

Кто-то мне рассказал, что прежде, чем вышел первый номер новоиспечённой «Волги», у Амусина был уже наготове «чёрный список»: кого ни при каких обстоятельствах там не печатать. Причём «не пускают» они в литературу, к читателям, к слушателям, естественно, не по степени таланта, а по самым низким личным причинам: кто-то наступил на хвост, кто-то покритиковал, кто-то пишет лучше. По этой причине в Саратове уже давно нет честной объективной критики: или обслуживают свой клан или сводят счёты с негодными. Поэтому мы имеем литературу и культуру, какую имеем.

Впрочем, иногда объявления прорывались. Но какой ценой! Сейчас уже об этом случае можно рассказать: люди эти там уже не работают и карьере их я не поврежу. Была такая – может, кто ещё помнит, – радиостанция «Мир». И была у неё так называемая «третья кнопка», то есть канал, действующий на третьей кнопке трёхканального радиоприёмника. Там шли длинные передачи о культуре, которые вела журналистка Вера Ионова. Однажды включаю этот канал и слышу свою лекцию о Гумилёве, которую она читает (зачитывает слово в слово) из моей книги «Звезда или хлеб?» (1999). Иногда, впрочем, кое-где вставляя «я думаю» и «как мне кажется». Да и фамилии поэтов звучали без имён, так как она не знала, по-видимому, как расшифровываются их инициалы. Моё авторство не упоминалось. О книге, моих лекциях – ни слова. Но в начале трансляции обязательное: «У микрофона Вера Ионова» и в конце опять же назвать себя не забыла.

Давид звонит туда от имени радиослушателя: «Скажите, кто автор передачи о Гумилёве?» – «Вера Ионова», – без зазрения совести отвечает она. Тут уже за трубку трясущимися руками берусь я: «Так кто автор?» Она узнала мой голос и тут же переориентировалась: «Наталия Кравченко!» Выкручивалась, как могла. И якобы она её «обработала» (но после того, как я сказала, что передача записана на магнитофон, замолкла). И то, что поскольку купила книгу в магазине, то имеет право распоряжаться ею на своё

усмотрение... А главная подлость была в том, что где-то за полгода до этого Давид встретил в библиотеке её начальницу, Маргариту Шашкину, постоянную посетительницу моих лекций, и предложил ей подготовить передачу по этой моей книге. Она ответила что-то неопределённое, вроде как «подумаем». И вот «додумались». На вопрос, почему не пригласили читать меня, автора, ИONOва сказала:

– А у нас нет денег на оплату.

– Но оплата бывает разной. Если бы вы объявили в конце, где продаётся эта книга, где можно послушать эти лекции в полном объёме, – меня бы это вполне устроило.

Потом я узнала, что это была уже восьмая лекция из моей книги, которую они читали от своего имени. Сколько людей могли бы узнать – но не узнали – о моих лекциях, вечерах, книгах! Сколько читателей и слушателей у меня могло бы прибавиться!

Можно было пожаловаться начальству, дать делу ход. ИONOва очень этого боялась. Я подумала: ну что с того, если её уволят? Неизвестно ещё, кто придёт на смену. И я поставила ей условие: я не поднимаю шума, но она теперь за это будет регулярно давать объявления на мои вечера на своём канале. И она давала – слово в слово, исправно, почти год, пока эту радиостанцию не закрыли.

Вспоминается ещё один эпизод. В пятницу 20 февраля (это был 2004 год) Татьяна Шварц должна была (обещала) объявить в новостях культуры по ТВ о моей победе в Международном поэтическом конкурсе. (За день до этого были опубликованы итоги в «Книжном обозрении», где моё имя стояло первым в списке от России). В глубине души я знала, что этого ей не дадут сделать. Но под каким предлогом? Когда-то Зорина заявляла, что они «выезжают только по экстраординарным поводам». На этот раз, наверное, наоборот – слишком «эпохальное» событие для местных новостей.

Включаю ящик. В «Новостях культуры» идёт сюжет (в пятый или шестой раз) – «старости культуры» – это название им больше подходит – о книге немецкого писателя в немецком зале в нашей библиотеке. Потом какой-то французский сюжет. Обо мне ни слова. Потом долго – выставка художника Батусова, друга Сокульского. С важным видом даёт интервью И. Алексеев. Звучат торжественные фразы: «Мы собираемся совершить акцию... вывести Саратов на новое поэтическое пространство... Но мы не хотим никуда ехать. Мы хотим вывести Саратов на мировой уровень...». (Это уже подключился Сокульский).

Шварц слушает всю эту галиматью с робким подобострастным видом, как школьница. Нет, чтобы задать вопрос: «Объясните по-русски, что это за акция? В чём она заключается конкретно? Каким образом вы собираетесь выйти на мировой уровень?» – и вся их бодяга рассыпалась бы, как карточный домик.

В переводе на общечеловеческий язык это значит, что Алексеев с Сокульским приглашают на свою тусовку в ресторане «Камелот» узкий круг своих друзей, редакторов каких-то третьестепенных московских журналов, с

которыми они познакомились в Интернете. Кто эти великие мировые имена, что приедут к ним в гости? Евтушенко? Кушнер? Ахмадулина? Ни одного имени не прозвучало.

Это их личная тусовка, их личные знакомства. Ну, напечатают они их в своих журналах после тёплого приёма в Саратове. При чём здесь какие-то акции? Какое это всё имеет отношение к саратовским поэтам, не принадлежащим к камелотской компании? Почему ТВ должно освещать их обещания и посулы, то есть то, чего ещё не произошло? Это что ли «экстраординарный» повод к съёмкам?

А вот то, что действительно выводит Саратов на международный уровень, моя победа на конкурсе – почему-то ими замалчивается. Для неё секунды в эфире не нашлось. Как это понимать, господа? Вы не согласны с Международным жюри? Или кому-то это – «серпом по яйцам»? (Бродский).

Через неделю у меня должен быть вечер в библиотеке.

Шварц дважды звонила, первый – выясняла подробности победы на конкурсе, второй – за день до вечера – сообщала, что камеры заказаны и завтра они приедут снимать, брать интервью. Но в последний момент – буквально за три часа до начала – вдруг новое сообщение: съёмки не будут. Вроде как эти камеры куда-то срочно понадобились начальству. Тон у неё был недоуменный, обескураженный.

– Я в первый раз с таким сталкиваюсь. Какие-то непонятные приказы руководства...

– А я с этим сталкиваюсь постоянно, уже лет двадцать. Мне не привыкать.

– Ну, я думаю, Ваш вечер и без нас прекрасно пройдёт.

– Не сомневаюсь.

К 175-летию Областной библиотеки снимался документальный фильм. Снимала его всё та же телерадиокомпания за библиотечные деньги. Мне звонит директор: «Мы хотим снять Ваш вечер! Вы не против?»

– Нет, конечно. Только все эти Косовичи, Грачёвы снимать не будут.

– Ну как же так, мы же им деньги платим.

Я поверила. Сказала девчонкам-артисткам из студенческого театра «Данко», которые готовили композицию по моим стихам. Они обрадовались, дома родным сказали, что их будут снимать. В день вечера Грачёв, как я и ожидала, «заболел». Хорошо, был один постоянный слушатель с видеокамерой, снял вечер, мы хоть артистов не «обманули». Но кому сказать – не поверят: снят фильм о библиотеке, где нет и намёка на мои вечера поэзии, которые я провожу здесь с 1995 года и на которых перебивало уже полгорода. О которых Александр Кушнер писал: «Как же повезло Вашим слушателям в Саратове, что у них есть такой замечательный знаток поэзии, умный и вдумчивый её пропагандист».

Так пусть же мои слушатели и читатели знают теперь, какой ценой достаётся то, что они с таким нетерпением ждут и слушают в библиотечных

залах. И пусть знают: пока они со мной – ничего эти телерадиокомпании с нами сделать не смогут.